

Владимир Ишечкин

МАСТЕР & ПУТЬ

сленок с эпохи

Владимир Ишечкин
Мастер и Путь. Слепок с эпохи

«Научная библиотека»

2015

УДК 821: 321.64/929+33/625.172/331.97+398.221+365
ББК 848.2

Ишечкин В. А.

Мастер и Путь. Слепок с эпохи / В. А. Ишечкин — «Научная библиотека», 2015

Документами и памятью поколений подтвержден слепок с эпохи. Ее атмосфера окутывает железнодорожную станцию в междуречье Дона и Волги. По законам творчества, с этой небольшой станции начинается соприкосновение Олимпа и нашей действительности. Внимание античного мира задерживается на путейцах. В работе отцу наследует сын, дорожный мастер. Трудовым подвигом он приносит славу своей малой родине. Это донской казак. Имя дала ему степь, фамилию – Дон, работу – Приволжская железная дорога. В то же время общество слабо противостоит загрязнению окружающей среды, вечному жилищному кризису, странным методикам и расчетам на железнодорожном транспорте. Пассажирские перевозки почему-то принято считать убыточными, тогда как само население служит источником прибыльных грузовых перевозок. Одно с другим не вяжется. Содержатся конструктивные предложения.

УДК 821: 321.64/929+33/625.172/331.97+398.221+365

ББК 848.2

© Ишечкин В. А., 2015

© Научная библиотека, 2015

Содержание

Оплот Арчеда	6
Олимп	8
Станция Арчеда	11
Дон	14
Нарком	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Александрович Ишечкин

Мастер и Путь. Слепок с эпохи

© Ишечкин В.А., 2015

© Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2015

* * *

Маргарита:
– Ты добрый человек, каких немного.
Иоганн В. Гёте (Фауст, часть I)

Оплот Арчеда

Справа батюшка Дон, слева матушка Волга.
Между ними степная колышется холка.
Да в ленивом раздумье змеится приток:
То ли к западу взять, то ли течь на восток?
Золотая орда у него гостевала.
Только нет и следа от бывшего привала.
Над водою в избытке толпилась арча.
На нее из шатра указала камча.
Верно поняли знак приближенные хана.
– Арчада! – разнеслось над кострищами стана.
Имя малой реки заронила орда,
На скаку казаки вознесли:
– Арчеда!
Оседлали приток дети Тихого Дона.
И не знала Россия надежней заслона.
Отражался в затоне казацкий курень,
Были рядом арча и донская сирень.
На дверях оберегом служила подкова,
Но смущало от старца заветное слово.
Молвил он под иконой, вставая с колен:
– Если все хорошо, значит, жди перемен...
Он как в воду глядел! Заскрипело кормило,
На оплот паровозы наехали с тыла.
Через степь потянулась вагонов орда.
Отпадала нужда в рубеже Арчеда.
Скромный веер путей с одиноким вокзалом.
Арчеда поездом тоже стала привалом.
Но события словно срывались с цепи,
Новый мир на крови громоздили в степи.
О поречье особой не может быть речи,
Облака обожгли поминальные свечи.
Казаки, из живых, поделили табак
И сплотились в рабочий путевый костяк.
Верховодил Донецков, причем без промашки.
У него и фамилия – высверки шашки!
Да такому вовек с колеи не сойти!
И назначен он был бригадиром пути.
Контингент пребывал в состоянии грогги
От щедрот окаянной железной дороги!

Посезонно одеждой снабжала она.
Инструмент выдавала, платила сполна.
Труд среди поездов не сказать, что у грядок.
Но в дома казаков постучался достаток.
Завозили к зиме дармовой уголек,
За него не вжимали с кормильца налог.
А под отпуск давали путевку со льготой.
Отдохни, подлечись! Ну, и дальше работай.
Полагался, к тому же, бесплатный проезд.
Тот, который дорожный бюджет не проест.
Мог оставить кормилец наследнику-сыну
Общий путь, социальный пакет и корзину.
Бригадир кашлянул на досуге в кулак.
Вроде правильно все, только что-то не так.
Что случилось с наследной казацкой затеской?
Сын открыто доводится Разину тезкой.
Но просить не пойдешь ни в профком ни в партком,
Чтоб его воспитали донским казаком.
Вообще в стороне с распатроненным бытом
Не доверишь судьбу лошадиным копытам.
И в армейских полках строевого коня
Потеснили мотор и стальная броня.
От подростка он прятал старинную пику,
Чтобы не было смеху и бабьего крику.
Устарела для дела, опасна в игре.
Для забавы найдется дрючок во дворе.
Вот когда окликали наследника «Стенька!»,
Бригадир веселел, отлегалось маленько.
А традиции в жарких боях полегли.
С ними вместе ушли и наделы земли.
Стенька рос без коня, без клинка и винтовки.
Не попал бы и в цирк без лихой джигитовки.
Братцев-кроликов он у себя разводил.
Те не знали подпруги, уздечки, удил.
Были кролики очень милы и красивы.
Он бросал им траву, ветви тальника, ивы.
Целый день продолжался зеленый обед.
От ветвей оставался лишь белый скелет.

Олимп

И не слабо, хотя это тайной сокрыто,
На Олимпе-горе пировала элита.
Перед Зевсом белуги метали икру,
Ею он заедал *Самогон, точка, ру.*
Афродита без мужа – стоял он у горна –
Усмиряла коктейли горстями попкорна.
Рядом нежился Пан. Горный полукозел
Афродиту не раз пьяным глазом обвел.
– Ты мой козлик, – шепнула она кавалеру,
Потащила его в именную пещеру.
Но брезгливые камни молчали в ответ.
Тамада Аполлон, бог порядка и меры,
Просто выпал осадком в норвежские шхеры.
Над пещерой сгорал от стыда помидор.
Фонари – Амстердама стыдятся с тех пор.
Как на Старую площадь вползала чернуха,
Так и Зевсу о дочке шепнули на ухо.
– Афродита, вернись! Повторяю: назад!..
И отцовский приказ подтвердил камнепад.
Голосок долетел из пещерного схрона:
– Что естественно, папочка, то не позорно.
– От Дионы она, – поддевала жена. –
Значит, папа блудил, а она не должна?
– Не разборчивы женщины в выборе цели.
– Потому что мы созданы лишь для постели.
– Что ты, Гера! А чувство? Кипенье страстей?
– Зевс, любовь – увертюра к рождению детей.
Баба, Зевс, попадает под вашу десницу.
Но никто не убьет в нашем теле блудницу.
– Так зачем ты разбила античный сосуд?
– Ревновала.
– А в мыслях разгуливал блуд?
– Угадал!..
Ярость мужа не знала предела.
И семья континентов у нас поредела.
Сверху ринулась осыпь болидов, комет,
Будто свадьбу встречали горстями монет.
Откровенна жена – воцаряется хаос.
Хуже, если она муженька водит за нос.

Может некое диво, незнамо откуда,
Кувыркаясь, нырнуть в водоем Чебаркуль.
Тамада Аполлон жаждал мирной развязки.
Поспешил объявить песни, танцы и пляски.
Дрязги стихли, наметился праздничный круг.
И химеры в него наташили подруг.
После лиры и арфы бренчали кифары.
Хоровод разделился на группы и пары.
Подносили вакханки вино от лозы
И нарезанный сыр от овцы и козы.
Под трень-брень своих струн два известных сатира
От вина отвлекали участников пира.
Первый пел, что Харон дорожит часом икс.
А второй, с хрипотой, – что не хочет за Стикс.
Громовержец внимал им и слушал Гермеса.
И не понял из речи его ни бельмеса.
– Ты хороший лазутчик, – сказал. – Но торгаш,
Покровитель коррупции. Маму продашь.
– Я служу становлению среднего класса.
А в итоге? Упрек от отца и гримаса.
– Ладно! Выпей, отведай картошечки-фри
И доклад свой доходчиво мне повтори.
– Получил я письмо от сарматов и скифов
Под секретной охраной запутанных грифов.
В междуречье Ра – Дон... Ой, пардон!.. – Танаис
Неплохой человек в думах крепко завис.
Иногда он сидит как *Мыслитель* Родена.
Только локоть не давит другое колено.
Сразу видно, что он современный казак.
Опирается лоб на солидный кулак.
– В чем опасность? И есть ли на деле тревога
Для команды Олимпа и каждого бога?
– В том опасность, что люди под натиском дум
Променять могут разум на шурум-бурум.
Трудно мыслить потом о святом и высоком.
Всю команду с Олимпа смахнут ненароком.
Сгинет праздничный пир. Ни любви ни игры.
Ухнет сказочный мир прямо в таргарары.
Дабы так не случилось, решаю задачу:
Кто неправильно мыслит, я переиначу.
Кто пытается думать, у той мелюзги
Профилактики ради, прочищу мозги.
Штаб не спит, изучаются люди и риски.
Поступают ко мне объективные списки.
С казаком агентура попала впросак,
Не вмещается он в эти списки никак.
– Ты, Гермес, отдохни. Эта нервная тряска
Никому не нужна. Продолжается сказка.
Я не склонен влиять, раздвигая века,

На порядки в стране, на судьбу казака.
По сравнению с ним, ты зеленый, ты – *viror*.
Не мешай казаку сделать вывод и выбор.
– Батя! – вспыхнул Гермес, – Ты не путаешь слов?
Ты не так говорил на планерке богов.
Кстати! Я у тебя нахожусь на подхвате.
Еду, как на коне, на твоём постулате:
*Достучаться до всех, откликаться на грипп,
Чтоб не таяла вера в священный Олимп.
Если рухнет она вместе с нами под ноги,
То людьми будут созданы новые боги.*
– Ты, сынок, опоздал и пока не прозрел.
Нас в Европе давно заменил новодел.
Мы всерьез предавались обидам-печалям
И решили на днях: от планеты отчалим.
*В черном небе призывно мерцали миры.
Звездолет разводил на лужайке пары.
Погрузилась команда с животными, скарбом.
Джентельмены утерли носы своим бабам.*
Оставалось задраить посадочный люк,
Как случилось до боли знакомое *вдруг*.
На крылатых сандалиях, в чем нет секрета,
Ты везде нас нашел бы со скоростью света.
Мы не ждали тебя, мы не брали кредит.
Но услышали: кто-то снаружи стучит.
– *Вылезайте!* – потребовал будущий Вовка. —
На горе вам ни с кем не нужна рокировка...
Он оформил в одной из ответственных сфер
Акт, который в Мытищах заверил Notaire.
И теперь на Олимпе не бросим квартир мы.
Новодел это – наши дочерние фирмы!
Я не знаю, кто он. Но проворный сатир
Разузнал, что он в будущем любит кефир.
– Батя! Вовка сварганил великое дело.
Быть подолгу в долгу небо нам не велело.
– Мы поможем его земляку-казаку
Не осаживать мысли на полном скаку.
Ты ступай. Да Гефеста из кузницы кликни.
Мы пошепчемся...

Станция Арчеда

Степь ошарашили ливни.
В Арчеде поперхнулся раскатистый гром.
Не храпел, а крестился во сне управдом.
А на станции вовсе дошло до маразма.
Там шипела зигзагообразная плазма.
Это свежую молнию рельсовый стык
Ухватил и держал за дрожащий язык.
Подчинялись кому-то небесные силы.
Кто-то с молнии сполз, как с колхозной кобылы.
Был одет он в широкий холщовый хитон.
Пригодился бы в ливень еще капюшон.
Это прибыл Гефест, бог огня и металла.
Утихала гроза от Балкан до Урала.
Прохромал он сквозь стены в пустой кабинет
И оставил начальству от Зевса пакет.
Из конторы пустой заглянул в мастерскую.
Да, по случаю полночи, тоже пустую.
Метры рельса с торца он нарезал как сыр.
Можно было подумать, готовится пир.
Вот к нарезке слетелись ионы в растворе,
Засверкала она грудой золота вскоре.
Инкрустация света прибавила враз,
Заиграл на пластинах граненый алмаз.
Пофамильные оттиски на позолоте,
Профиль Зевса небритого на обороте,
Ожерелье из мелких блестящих подков ...
Сувенир или орден путейца готов.
Всех изделий хватало на каждого в штате,
До последней технички на малой зарплате.
Ожерелье путейцам позволит, поди,
Именную награду носить на груди.
Древний бог потянул за фрамугу. И что же?
Птичьей стаей влетели портфели из кожи.
Сувениры, не тратя впустую минут,
Оценили в портфелях удобный приют.
Оттянул повелитель сильнее фрамугу:
– Окажите, как другу, вторую услугу.
Улетайте в контору (Луна вам свети!)
Арчединской дистанции ж.д. пути...

Он не знал, что смысленные с виду портфели
Сами не достигают указанной цели.
И начальник, врываясь с утра в кабинет,
Обнаружил всего лишь секретный пакет.
В нем таился приказ как подводная лодка.
Был назначен Донецков главой околотка.
Он пополнил дорожный состав мастеров.
Но зачем же на этом секретный покров?
Даже пункт о вручении всем сувенира,
Скажем прямо, поставил в тупик командира.
На какие шиши! Он не Крёз и не туз.
Пусть расходы берет на себя профсоюз.
Сам начальник был частью служебной культуры,
Знатоком ее разной аббревиатуры
Но про ЗЕВС не слышал. Что могла означать
Эта служба, ее золотая печать?
Позвонил он коллегам в соседние дали.
Нет, о новой структуре там тоже не знали.
Вот в конце было ясно, о чем же тут речь:
Прочитать, продублировать, тщательно сжечь.
А на транспорте нашем сплелись воедино
Безопасность движения и дисциплина.
Продублировал лично начальник приказ,
И пакет, как предписано, пеплом угас.
Тем же утром любитель воздушного флота
Выбрал тихую степь для прощального взлета.
И для молний рассеял сигнал-автостоп.
Но они не слетались на этот сироп.
Слишком чистыми были небесные своды.
Нависала угроза нелетной погоды.
Нет ни змейки огня, ни вперед ни назад.
Не поймать в атмосфере попутный разряд.
Как такси пригодилась бы ведьма со ступой.
Ситуации не было более глупой.
Хоть к Олимпу беги напрямик босиком.
Непонятно, чем занят в степи Проселком
Шли часы. Бормотал он от вздоха до вздоха,
Что Россия большая, а с транспортом плохо.
От жары выцветала небесная синь.
И духи de Chanel побеждала полынь.
От густого настоя полыни – абсента
Степь дурела и – несколько стран континента.
Самогон de l'absinthe через мелкий портал
Эту сущность до самых печенок достал.
В сумасшедшей степи в роли мерзкого беса
Стал Гефеста преследовать образ Ареса.
Афродита, жена, обнимается с ним,
И скрывает двоих целомудренный дым.
Этот пасынок Зевса – серийный убийца.

Родила его Гера, серьезная львица.
Как ни врал про цветок козлоногий певец,
У Ареса не мак, а фракиец отец.
Ночью шквал разметал отравляющий полог.
К Дону сущность отнес и осел там же сполох.
Шелестела осока, но с красной строки:
– Excellence! Танаис, левый берег реки...

Дон

Отмывался Гефест от степи и полыни.
На Дону он дельфином нырял бы поныне.
Этим самым реке признавался в любви,
Но вмешался рыбацк:
– Ну-ка, дед, отплыви!
Отплывай и плещись потихоньку в сторонке!
Я боюсь, ты зацепишь, запутаешь донки.
Ты же Дон распугал! Есть надежда пока
В маринаде на вилку поймать судака...
Дед вернулся на берег с усмешкой:
– Профан ты!..
Обнажала улыбка из дуба импланты.
Все одежды его постирались в огне.
И смотрелся дедуля нарядным вдвойне.
Подошел к рыболову:
– Приветствую, Вовка!
Ты меня не узнал.
– Да, мне очень неловко.
Не узнал, извини! Ради Зевса, прости.
Ты ко мне или сбился с прямого пути?..
Дед поведал: летит он из командировки.
Рассказал о причине своей остановки.
И вздохнул:
– Громовержцу отчет я везу,
Ожидаю с надеждой донскую грозу...
В спину город дышал. Городская граница
С Тихим Доном мечтала когда-нибудь слиться.
– А зачем обретаешься ты на Дону?..
Удивился ответу, воскликнул:
– Да ну!..
Он напрягся почти до желудочной рези.
Показалось, что слышит не друга, а сгазу.
Вовка выдал Гефесту фамильный секрет:
– Буду здесь я рожден через парочку лет.
А пока изучаю пешком (не в короне ж!),
Что за малая родина этот Воронеж...
С любопытством зависла вблизи стрекоза:
Что в Воронеже бросилось Вовке в глаза?
– Оклеветана родина, жертва ареста.

Брошен славный Воронеж на лобное место.
Длится долгие годы негласный расстрел.
В тайных ямах Дубовки и... тысячи тел!
Володарского, офис с клеймом 39.
Трижды проклят народом! Ты можешь проверить.
Разодет в кумачи запах пьяной мочи.
В гимнастерках и штатском снуют палачи.
Деловитый душок в кумачовом «гестапо»
Не мешает нисколько портрету сатрапа.
Ниже – фото ежовцев, снискавших почет:
Мастер бойни Лутков, мастер бойни Пол Пот...
Ветерок проявлял себя только для виду,
Иногда шевелил на Гефесте хламиду.
Дед не слышал дыхания летнего дня.
В бороде ворошилась его пятерня.
– Нам известно, – изрек он, – про казни и пытки.
Землю русскую издревле губят завидки.
Жаль, но зависть – ведущая ваша черта.
Все мерещится, что вы другим не чета.
Отвергая свои вековые опоры,
За чужие заборы бросаете взоры.
– Что за речи, Гефест? Разговору хана!
– Помолчи! Вам навстречу пошли племена.
Не сумели с князьями отлавливать раков –
Отозвались-явились дружины варягов.
Со Сварогом случился разлад при дворе –
Византия славян окрестила в Днепре.
Государственный строй (ты узнаешь со школы!)
Прививали России татаро-монголы.
Европейцы охотно (бери и владей!)
Подарили мешок маргинальных идей.
Подражая тому, что творили французы,
Разорвала держава монаршие узы.
И в Кремле воцарился (а кто виноват?)
Закавказский усатый кровавый примат.
Пробил час. Результаты безумных завидок
Отторгают от жизни вас пулей в затылок.
От убийцы народа пощады не жди.
Вы взаимно чужие – народ и вожди...
Разговор поглотила глубокая тина,
Потому что на берег прокралась машина.
цвета тьмы, сверху съемный навес.
Начинался в истории новый замес.
Форду Дон был открыт от истока до устья.
Но свернул он сюда не случайно.
– И пусть я, –
Тут же Вовка шепнул, – не поймаю сома,
Если это не к нам, и не банда сама.
– Два ежовца. Ты прав: офис 39-й.

Не виновен, а ноги становятся ватой.
А они как идут! Берег словно продрог.
Попирает природу ежовский сапог.
Арташов и Терпицкий, что топает справа.
Это двое всего, а могла быть орава.
– Ты их знаешь, Гефест?
– Как земной инвентарь,
Как любую другую дражайшую тварь...
Арташов обошел собеседников сзади,
Повторяя:
– Стоять! С места, гады, ни пяди! –
Сплюнул. – Служба, привычка, с мигренью возня.
Извините, товарищи, доброго дня!
А скажи-ка, старик, вы давно на пленере?
– С ночи, солнце еще почивало в пещере.
– Значит, вспышка в полнеба для вас не секрет.
И – что здесь приземлился какой-то объект.
Вот об этом подробно мне, если не олух.
– Был действительно близкий, но слабенький сполох.
НЛО не видали мы, не повезло.
Не срывай, командир, на свидетелях зло.
Как вожжа помогает движению клячи,
Я тебе помогу. Может, станешь помягче.
По-над Доном мелькнул бестелесный Икар,
Вот его и засек потаенный радар.
– Врет! – заметил Терпицкий. – Поддастся едва ли.
Ничего! Не таких еще старцев ломали.
– Борода, ты, я вижу, и правда, строптив.
Вместо данных суешь древнегреческий миф.
Что ж, пора, так сказать, кое в чем убедиться.
Живо паспорт! В нем сказано, что ты за птица.
– У меня его нет. Как бы ни был ты крут,
Должен помнить, что паспорт не всем выдают.
– Все понятно. Так, ты из какого колхоза?
– Я с Олимпа.
– Название выше навоза.
Кем работаешь там? Говори, наконец.
– Догадаться могли бы, что там я кузнец.
– Ну, допустим, кузнец. А чего это ради,
Ты шатаешься тут в театральном наряде?..
Подал голос Терпицкий:
– Оставь кузнеца.
Мы еще не слышали ответов мальчика.
– Ну? – спросил Арташов, и задергалось веко.
Был ответ:
– Я заявка на пост человека.
– Что ты мелешь, ребенок? Тебя еще нет?
– Нет, конечно. Я только великий проект...
Вновь Терпицкий:

– Берем их с собою, коллега.
Не топтаться же здесь от июля до снега.
– Да, – кивал Арташов. – Не народ, а труха. –
И лицо отирал он листом лопуха. –
Меньше часа полезной работы мотора,
И навеки свидетелей примет контора.
Старика-кузнеца и того, кого нет,
На допросах она перекрутит в паштет.
А Лутков, комендант, на опилках в подвале
Два патрона истратит для новой медали.
Мимо квоты и списка, сверх плана, за так
Яма скроет казненных, где хутор Ветряк.
– Твой прогноз это – долгие смертные муки.
Арташов, мы же люди ежовской науки.
Человечней для них, неподсудно для нас
Прямо здесь и сейчас нанести *Coup de grâce*...
Чувство долга ежовцу расправило плечи.
А еще мужика вдохновляли предтечи.
По бедру он на ощупь искал кобуру
С пистолетом служебным *ТТ, точка, ру.*
Затянулась минута для жертвенных агнцев.
У ежовца слепая растерянность пальцев
Перешла в беспокойство и панику рук.
Пересохло во рту, перехвачен был звук.
Вся фигура его, искажаясь и узясь,
Представляла собой нескончаемый ужас.
Что с ним будет? И где раскидал он за день
Кобуру, портупею, армейский ремень?
Арташов поспешил успокоить собрата:
– Это все у тебя при аресте изъято.
Ты, Терпицкий, расстрелян недавно – прости! –
Чтобы офис от польских агентов спасти.
– Матка боска! Расстрелян! Не помню распыла.
– Пуля память отшибла.
– Когда это было?
– В день рожденья вождя. Пистолет палача
Твою жизнь возложил на алтарь Ильича.
Ты же знаешь верхушку и комплексы страхов.
Вертикаль избавлялась от собственных ляхов.
– Я действительно был нашим органам свой.
Чертов год! Я не помню...
– Год 38-й.
– Я ничто, Арташов.
– На сегодня ты призрак.
Мы дружили, и ты мне по-прежнему близок...
Эту память о друге, смывая порок,
Как белье во дворе полоскал ветерок.
Арташов не смотрел на мальчика и мужчину,
Но скомандовал:

– Быстро садитесь в машину!..
Бородач возразил ему:
– Как бы, не так!..
Он бульжник метнул и пробил бензобак.
Камень был раскален как космический странник.
Взрыв осоку потряс и прибрежный кустарник.
Ford в огне погибал, даль надела вуаль.
Ручейками стекала шипящая сталь.
Арташов обезумел, сверкал пистолетом:
– Прав Терпицкий, а я не подумал об этом.
Повернитесь спиной, уложу на лугу.
Если смотрят в глаза, убивать не могу.
– Арташов, я кузнец, бог огня и металла.
Вижу, сходишь с ума.
– Врешь! Ничуть ни бывало!
– Плачь презренный палач! И ТТ свой не прячь.
Пистолет заменяю на детский пугач...
Два пудовых замка над пейзажем зависли,
Арташова покинули всякие мысли.
Полулежа в траве, за которой – река,
Он водил пугачом от замка до замка.
Зримы были замки и незримы ворота.
Но стонали они под напором чего-то.
Раздавались удары. Вот так океан,
Берега сокрушая, идет на таран.
Не давили ежовца вина и расплата
При порталах, закрытых по рыку примата.
Параллельные и зазеркальный миры
Не сходились в тоннеле кротовой норы.
А теперь? Разлетелась одна из проушин.
И погиб в ресторане воронежский ужин.
Одноухой серьгою болтался замок.
И раздался портал вширь, насколько он мог.
– Мы заявки!
– Заявки на пост человека!
– Нам не надо подачек: *Орленка, Артека!*..
Это вырвался, бурной стихии сродни,
Из портала грядущий поток ребятни.
– Эй, наемник примата и подлый убийца!
В наши семьи не суйте поганые рыльца!
– Мы родимся уже после смерти отцов!
– Из-за вас, палачей!
– Из-за вас, подлецов!..
Арташов заорал:
– Ну вас вместе с отцами!..
И к реке отбежал – догоняло цунами.
Сапоги скинул он, попинал их как мяч.
И за пояс заткнул свой свинцовый пугач.
Он поплыл, а над ним, впереди, сбоку, сзади

Масса маленьких ножек летела по глади.
Со второго портала сорвался замок,
Прыгнул в воду и канул, поскольку намок.
По Вселенной блуждает закон обороны.
Все изъятые жизни наследуют клоны.
Кто-то явно расстрелян и списан в архив.
А в другом измерении, может быть, жив.
Нарождаются дети, за ними – внучата.
Как положено, счастьем наполнена хата.
Получается, словно, он не погибал.
Вот чем с Доном намерен делиться портал.
В то же время делишки примата и свиты,
То есть зверства, народом не будут забыты.
Не успела о вечном задуматься ель,
Как на полгоризонта раздвинулась щель.
Дону, древнему лону – бессчетно поклонов!
Вал за валом пошли поколения клонов.
– Мы былые заявки на должность людей!
– Здесь родиться не дал нам усатый злодей!..
И Терпицкий, недавний крушитель канонов,
Как на крыльях, метался среди миллионов:
– Я ищу не рожденных своих малышей!
– Небо! Раны народа лучами зашей!..
Отвернулся Гефест:
– Расстаемся мы, Вовка.
Завершается русская командировка.
Видишь, тучи ползут?
– Даже вижу пробел...
С первой молнией дед навсегда улетел.

Нарком

Вымирает Россия, огромны потери.
Истребляют державу двуногие звери.
СССР волочет на себе, на горбу
Тех, которым плевать на любое табу.
Вот они и командуют страшным обрядом.
И с вождем геноцида находится рядом
Каганович! Держава – его каганат.
Меч кагану вручил захребетник-примат.
Ни одна из наук не коснулась кагана.
Образован не лучше любого барана.
Но в его беспощадные руки попал
Также мир, сотворенный из рельсов и шпал.
Ездит он в персональном громоздком вагоне
И однажды застрял на глухом перегоне.
Волокут машиниста, и тот говорит:
– Вас в тоннель не пускает его габарит...
Каганович забегал по стенкам салона,
Чуть не выкипел яростью в окна вагона.
– В том числе, я железный нарком, а не-не...
Габарита схватить и доставить ко мне!..
В кабинете, что ваза и фрукты обжили,
Он дерзает в продвинутом ленинском стиле.
В Смольном крылась за ширмой простая кровать.
Здесь же bedroom – и Хилтону не устоять!
Как неясить неслышно снимается с ветки,
Так нарком по ночам приступает к разведке.
Поднимает звонками низы наугад.
Демократ собирает к утру компромат.
Самодурство гнездится на собранных крохах.
Новый день зачумлён на железных дорогах.
По селекторной связи устроен разнос,
Инженеры слетают с постов под откос.
Каганович работает ради забавы.
Театрально себе преподносит расправы.
Этот мелкий нерон, от ЦК иерей,
Кабинет обратил в небольшой Колизей.
Командиры, без мысли молить о пощаде,
На ковер
прибывают при полном параде.

Унижая их нагло, позорит свой сан,
Корни рода. Заводит себя как шаман.
И крест-накрест шеренгу, на выбор и в целом,
Авторучка черкает по кителям белым.
Что есть силы, наносит железный нарком
Свой коронный удар по столу кулаком.
Он разносит стекло вдрызг – на твердые брызги.
Сквозь осколки видны репрессивные списки.
Безнадежно стеклянный рассыпчатый звон
Заглушается хамским напутствием:
– Вон!..
Два бюро машинисток сидят наготове.
Документы второго потребуют крови.
Ждут команды, но с ней не спешит комиссар,
В черном кресле смакует эффектный удар.
Сам себе Станиславский и автор. Не так ли?
Не на сцене, а в жизни он ставит спектакли.
Исполняет искусством завещанный долг –
До заклания кадров железных дорог.
– Высоко залетел, а мозгов маловато, –
Возмущался неслышно завхоз наркомата. –
Кладезь девственной дури! Опять рассадил
На столе дефицитный стеклянный настил.
Коммунист, а повадки заправского хана.
Превышает лимит пятилетнего плана.
Так стекла листового я не напасусь.
Далеко не Америка Красная Русь...
И завхоз без приказа, в защиту запаса,
Пригласил за бутылку столярного аса.
Деревянных дел мастер был тоже не трус.
Жестко крышку стола приспособил на брус.
Результат диверсанты восприняли с жаром:
Не пружинила плоскость стола под ударом!
Не могли отвести они полностью зло,
Но хотя бы останется целым стекло.
Каганович не ждал в кабинете подвоха.
Повторялся спектакль, получалось неплохо.
Приближался финал, боевой эпизод.
А за ним – машбюро и двоякий исход.
Был удар, но стекло, доверяясь опоре,
Безмятежно мерцало как Мертвое море.
Завертелся нарком – от стола и к столу.
Сам в себе заподозрил живую юлу.
Кисть руки трепетала болезненно, ибо
Пострадала она у него от ушиба.
Гибла сцена удара, неведомо как.
На стекло он вторично обрушил кулак.
Бесполезным был натиск упрямства и воли.
Каганович едва не скончался от боли.

Просветление выдал в зрачках кофеин.
Грохнул под ноги жертвам казенный графин!
– Бьет посуду нарком как скандальная баба, –
Усмехнулся завхоз паровозного штаба. –
Жаль, что губит паркет, прочит плесень стене.
А стандартных графинов хватает в стране...
От наркома, аскета в глуши кабинета,
Удирало по графику красное лето.
Не считалось, троцкистское, как ни крути,
С грандиозным объемом ремонта пути.
Над самим наркоматом устроило ливень.
Мастодонт не рискнул даже высунуть бивень.
Днем поел он, подался в служебный альков –
Отдохнуть от безделья и нудных звонков.
Непогода заставила думать на ложе,
Что в приказах стихия присутствует тоже.
И сильнее столицу берет в оборот.
Например, оставляет без Красных ворот.
Но свирепым приказом по Третьему Риму
Отменить невозможно морозную зиму.
Для большого ремонта она не отдаст
Колею, что со шпалами вмерзнет в балласт.
План ремонта горит. Правда, сроки не близки.
Сдать путейцев ежовцам? Пойти на приписки?
Варианты провальные, оба из двух.
А лопаты на что? Отгонять белых мух!
Ливень шумно топтался, как будто, за шторой.
Варианты роились, но выбрать который?
Озарило наркома к исходу дождя:
Лишний раз поработать на имя вождя.
Арчеда – Сталинград по московскому ходу!
Сдать досрочно участок Кремлю и народу!
Сдать под речи, фанфары, китайский салют.
А другие участки пускай подождут.
Так рождался почин, что позволил наркому
Провалиться в короткую сонную кому.
Не тревожила люстра ночной кабинет.
Пал на письменный стол желатиновый свет.
Свет от лампы настольной; бывало – от свечек.
В Кагановиче ночью проснулся разведчик.
Истекал по минутам ремонтный сезон,
А селектор дремал как простой телефон.
Босс уже находился в служебном экстазе.
Позвонил для начала по внутренней связи.
– Да? – сказали. На это он выкрикнул:
– Кто?
Мог слышать ответ:
– Дед Пихто! Конь в пальто!
Мог, но не от персон своего наркомата,

И не с линий, где голос звучит глуховато.
Политес исключала система колес,
Нормой был хамоватый, но краткий вопрос.
Он услышал:
– Филатов...
Кивнул из берлоги:
– Занеси ко мне паспорт Приволжской дороги...
Беглым шагом ночных коридоров промер,
И в обнимку с коробкой вошел инженер.
Молодой, выпускник уже красного вуза.
На таких опирается транспорт Союза.
– Вот технический паспорт, товарищ нарком.
– Посмотрю при тебе, с ним и выйдешь бочком.
Так что, сядь и отведай клубничин да вишен.
На дежурство ночное не будешь обижен...
Одного, значит, паспорт дороги увлек,
А другой дегустировал мякоть и сок.
Вскоре в тело почти что читального зала
Телефонные трели вонзились как жала.
Сеть железных дорог информацией с мест
Доставала высокий столичный насест.
В кабинет из селектора рвалась когорта
Доложить: От репрессий страдает работа!
В разветвленном хозяйстве освоил простор
И никак не закончится красный террор.
Например, не услышат ежовцы *спасибо*
За аресты, расстрел персонала Транссиба.
За разбой на одном Красноярском узле
Заслужили кипеть в паровозном котле.
Натворили они! Не хватались за гуж бы.
Подорвали на годы дорожные службы.
Паровозы дичают, рассеял их страх
По медвежьим углам, по тайге росомах.
Свежей кровью пропитаны алые стяги.
Очередько казнили, начальника тяги.
Расстреляли *Горикова*, он вел техотдел.
Словом, лучшие кадры уносит расстрел.
В исправлениях вся телефонная книга.
Время вычеркнуть также *Василия Цига*.
В паровозном депо был вторым он лицом.
Замели, расстреляли, и дело с концом.
Следом – *Цимика Саню*. Он слесарь от бога!
Инженеров, рабочих теряет дорога.
Схвачен *Шахматов* вместе с семьей, машинист.
Путь земной завершен или будет тернист.
А недавно, в припадке служебного долга,
Арестован Качаев Ф., кучер райторга.
Возраст – 40. Ежовцам понятно, что плут.
Хватит! В юной стране столько лет не живут.

На свободе столбы стонут с дрожью в коленках.
Люди гибнут от следственных пыток в застенках.
Паровозовагоноремонтный завод
Проклинает минувший и нынешний год.
Заводчане *Полонкины*, мастер и отпрыск,
Обрели на допросах безжизненный отпуск.
А *Вайтусин*, клепальщик! Оглох он в тюрьме.
Не вмещаются ужасы в здоровом уме.
Беззащитные люди. Заржал сивый мерин
На дорожного мастера – *Безин* расстрелян.
Так же вышло с *Неверко*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.